

Юлия Арниева

13 СПОСОБОВ

ИЗБАВИТЬСЯ ОТ СОСЕДА

Юлия Арниева

13 способов избавиться от соседа

«Автор»

2026

Арниева Ю.

13 способов избавиться от соседа / Ю. Арниева — «Автор», 2026

Вернулась я с шабаша, а на моей тропе — забор. Совершенно незаконный, по крайней мере, с ведьминой точки зрения. А за забором поселился Матвей. Наглый, упрямый и, к сожалению, весьма симпатичный. Тропу открывать отказывается, угроз не боится, на уговоры не поддается. Что ж, сам напросился. В бабушкиной тетради найдется немало способов избавиться от неугодного соседа. В ход пойдут еноты и заговоры, сонные травы и отворотные зелья, а если понадобится, то и петух бабы Зины. Правда, пока мои заклинания действуют совсем не так, как задумано. Сосед уезжать не собирается, деревня потешается, а фамилльяр подозрительно часто принимает его сторону. Но я ведьма потомственная и отступать не привыкла! Тринадцать способов избавиться от соседа. Неужели ни один не сработает?

Содержание

Аннотация	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Юлия Арниева

13 способов избавиться от соседа

Аннотация

Вернулась я с шабаша, а на моей тропе — забор. Совершенно незаконный, по крайней мере, с ведьминой точки зрения.

А за забором поселился Матвей. Наглый, упрямый и, к сожалению, весьма симпатичный. Тропу открывать отказывается, угроз не боится, на уговоры не поддается.

Что ж, сам напросился. В бабушкиной тетради найдется немало способов избавиться от неугодного соседа. В ход пойдут еноты и заговоры, сонные травы и отворотные зелья, а если понадобится, то и петух бабы Зины.

Правда, пока мои заклинания действуют совсем не так, как задумано. Сосед уезжать не собирается, деревня потешается, а фамилляр подозрительно часто принимает его сторону.

Но я ведьма потомственная и отступать не привыкла! Тринадцать способов избавиться от соседа. Неужели ни один не сработает?

Глава 1

Забор я обнаружила в четверг, в половине седьмого утра. Месяц меня не было — шабаш в этом году затянулся, — и домой я возвращалась через болото: в октябре линяют жабы, самое время собирать кожу. К деревне я подходила с полной корзиной ночной мяты и жабьей кожи и в самом благостном расположении духа.

Забор был новый, в два моих роста, из светлых досок, еще пахнущих смолой. Он стоял аккуратно поперек тропы, по которой я ходила с тех пор, как встала на ноги. До меня по ней ходила бабушка, до бабушки ее мать, и вообще все ведьмы нашего рода, начиная с той, что в тысяча восемьсот каком-то году вывела у барина всех тараканов, а заодно и самого барина. Последнее, по семейным преданиям, вышло случайно, и жалоб не поступало.

— Та-ак, — протянула я и поставила корзину на мокрую траву.

Вдоль забора пришлось продираться через крапиву. Справа он тянулся до оврага, слева — до старой ивы у пруда. Напротив усадьбы в нем еще не хватало досок, и оттуда бодро стучали молотки.

Стучали двое мужиков из Сосновки. Прошлой весной они явились ко мне после деревенской свадьбы и просили средство, чтобы голова перестала раскалываться, а мир качаться. Завидев меня, оба втянули головы в плечи и дружно ткнули молотками через пролет, на усадьбу.

Усадьба пустовала лет десять, и, видно, за месяц моего отсутствия на нее нашелся-таки покупатель. Хозяин стоял на крыльце с кружкой в руке. Высокий, лет сорока, в куртке, которая совершенно не годилась для нашей осени. Небритый, с упрямым подбородком и серыми глазами. В другой день я бы сказала — видный. В этот я сказала:

— Вы мне тропу перегородили.

— Доброе утро. — Сосед спустился с крыльца и подошел к пролету. — Матвей.

— Марьяна. Уберите это.

— Кружку?

— Забор, — процедила я. Вежливость утекала из меня, как вода из худого ведра.

— Не уберу. Это моя земля. Тропа, кстати, проходит в трех метрах от окна моей спальни.

Летом я приезжал смотреть дом, и в пять утра под этим окном кто-то прочел целую лекцию о том, куда паукам следует засунуть свои сети.

— Это была не я.

Ругалась я в четыре, а не в пять, так что почти не соврала.

Мужики из Сосновки перестали делать вид, что работают. Но устраивать им представление я не собиралась, и, подхватив корзину, ушла в обход.

Обход через овраг занял почти час. Я дважды провалилась в канаву по колено и собрала на юбку весь репейник в округе. Домой ввалилась злая, как оса в банке, и даже калитка открылась с первого раза, хотя обычно заедала и требовала уговоров.

— Он перегородил тропу, — сообщила я и грохнула корзину на стол.

Федот вытащил голову из банки с сушеной черникой, куда совершенно точно не должен был ее совать.

— Всю?

— Всю.

— Забором?

— Нет, Федот. Армией мертвецов. Конечно, забором.

— Хороший забор?

Я медленно повернулась к нему.

— Ты сейчас на чьей стороне?

— Я уточняю. — Федот перебрался на спинку стула. — А ты его просила?

— Я ему сказала убрать.

— Сказала или попросила?

— Какая разница?

— Большая. Когда ты говоришь мне слезть со шкафа, я не слезаю. А когда просишь и даешь сыр, слезаю.

— Ты и с сыром не всегда слезаешь.

— Смотря какой сыр. В прошлый раз был подсохший.

Сыра для соседа у меня не было, зато в погребе стоял прошлогодний липовый мед, лучший в округе. За обедом я остыла и, скрипя зубами, признала, что в словах Федота есть здравый смысл. После обеда надела чистую кофту и пошла к усадьбе, на этот раз как приличная женщина, через парадную калитку.

Матвей открыл не сразу, а открыв, держался так, будто я пришла с вилами.

— Это вам. В честь новоселья. Липовый, у нас такого в магазине не купите.

— Спасибо.

Он взял банку двумя руками.

— И у меня предложение. Под вашими окнами я ходить не буду. Пойду по дальнему краю, вдоль оврага. Вам нужно только сделать в заднем заборе калитку. Я сама за нее заплачу, а запирать можете на замок.

Матвей помолчал. Мне показалось, он и правда обдумывает.

— Нет.

— Почему?

— Потому что это моя земля.

— Это я уже слышала. Я спрашиваю, почему.

— Потому что нет.

Он даже не повысил голоса, и мне захотелось стукнуть его банкой. Но банка была уже у него.

— Марьяна, я понимаю, что вам неудобно. Давайте я буду оплачивать вам такси. До болота и обратно. Сколько раз в неделю вы туда ходите?

Я открыла рот и закрыла. Перед глазами встал таксист из райцентра, которого я прошу к полуночи на Гнилую топь, подождать у старого кладбища, пока я собираю жабую кожу, и не заводить мотор, пока не договорю с русалками. У нас и автобус ходил трижды в неделю, причем два раза — если водитель не уходил в запой.

— Мед верните, — наконец выдавила я.

— Нет, — коротко бросил Матвей, усмехнулся и закрыл дверь.

По дороге домой я перебрала все известные мне способы переубедить упрямого человека. Самые действенные требовали свежей могильной земли, а портить отношения с деревенским кладбищем мне пока не хотелось.

У моей калитки уже дежурила баба Нюра с пустой банкой из-под мази. По горящим глазам было видно, что разговор она слышала от начала до конца.

— Не пустил?

— Такси предложил.

— Такси?! — Баба Нюра всплеснула руками. — Я ему вчера говорю: тут, милоч, испокон веку люди ходили. А он мне культурно так: пусть теперь ходят вокруг. Мужик-то видный, а голова тыквой.

— Тыквой, — с удовольствием повторила я. Слово было прекрасное. Круглое, рыжее, гулкое и пустое внутри.

Я наложила бабе Нюре мази из сабельника. Уже в калитке она обернулась на пруд и пробормотала:

— И обход-то теперь кто ходить будет...

— Какой обход, баб Нюр?

— Бабка твоя знала.

Баба Нюра махнула рукой и заковыляла прочь. За последние годы она много чего бормотала — и про летающие тарелки над Сосновкой, и про председателя, который в молодости оборачивался волком, — так что ее слова вылетели у меня из головы, едва закрылась калитка.

Федот сидел на шкафу и пытался вскрыть пакет с орехами.

— Не сработало?

— Он предложил мне такси.

— До болота?

— До болота. А мед оставил себе.

— Умный. Я бы тоже не вернул.

— Еще слово, и я вспомню, что в некоторых странах воронов едят.

Федот замолчал, но ненадолго. Стоило мне достать из сундука бабушкину тетрадь с рецептами, он тут же бросил орехи. Когда я берусь за эту тетрадь, кому-нибудь вскоре становится весело. Обычно ему.

Настой ласковника. Три горсти травы, собранной на убывающую луну, щепоть лесного ореха, мед, капля валерианы и слово. Спрыснуть вещь, и вся лесная мелочь, от белок до енотов, всплывает к ней такой страстью, что утащит в лес быстрее, чем хозяин успеет сказать «ой». Я представила, как Тыква утром выходит на крыльцо, видит пустую веревку, а свои городские рубашки снимает с ближайшей сосны, и принялась толочь орехи.

Федот спустился на стол.

— Это что?

— Отвар ласковника.

— Еноты?

— Еноты.

— Прошлый раз они унесли твои сапоги. Один так и не нашелся.

— Поэтому я усовершенствовала рецепт.

— А-а-а. — Федот не поверил, но вслух говорить не стал, а вместо этого почистил клюв о край ступки и сообщил: — А белье он развесил. Три рубашки, джинсы, полотенце и носки. Носки прицеплены парами, по длине.

— Ты что, к нему летал? — требовательно спросила я.

— Я уточнял.

Человек, который так развешивает носки, точно заслуживал всего, что я для него приготовила.

Едва стемнело, я надела старую зеленую куртку и пошла к иве. Собиралась перелезть по ветвям, но этого не понадобилось. Там, где утром доски стояли плотно, как зубы, одна теперь висела на единственном гвозде, а из-под нее торчал толстый корень, будто старая ива за день, не торопясь, выдавила ее наружу.

Я протиснулась в щель, обожглась о крапиву и распугала лягушек, но дальше все пошло как по маслу. В окнах усадьбы было темно, веревка висела в двух шагах, и я щедро спрыснула рубашки, джинсы, полотенце и каждую пару носков.

— Пахнет хорошо, — одобрил Федот с ветки.

— Рубашки?

— Рубашки. А ты зачем нюхаешь?

— Проверяю, впиталось ли.

Я как раз брызгала на последнюю рубашку, когда с пруда потянуло ветром. Рубашки вздулись парусами, и облачко настоя понесло напрямик в приоткрытую форточку спальни. За стеклом громко чихнули, следом еще раз, и закрипела кровать. Я присела за полотенце, дождалась третьего чиха и рванула к иве так, что в крапиве за мной остался коридор.

Ночью я спала как младенец. До двух часов.

В два меня разбудил грохот, следом что-то похожее на крик, снова грохот и звон стекла. За забором метался луч фонаря, и метался долго. Со стороны усадьбы доносились возня и ругань, а потом Матвей кого-то принялся уговаривать. Слов было не разобрать, но тон я узнала: так разговаривают с животным, которое хочется погладить, хотя оно уже прокусило тебе руку.

Утром в дверь постучали так настойчиво, что я едва успела накинуть халат.

На пороге стоял Матвей. Волосы у него торчали во все стороны, на щеке красовались три свежие царапины, под глазами залегли тени, а куртка была застегнута не на те пуговицы. К левой штанине, обхватив ее всеми четырьмя лапами, прилип маленький енот и блаженно жмурился.

— Доброе утро. — Голос у соседа был подозрительно тихий.

— Доброе, — так же тихо ответила я, стараясь не смотреть на енота.

— Вы случайно не знаете, почему меня этой ночью любило пол-леса? Вот этот залез ко мне под одеяло. Когда я его вытаскивал, укусил за палец и с тех пор не отпускает.

— Вы привлекательный мужчина, — не моргнув глазом ответила я.

Енот подтянулся по штанине повыше и довольно заурчал.

А Матвей сунул руку в карман и протянул на ладони пуговицу. Деревянную, с обрывком зеленой нитки.

— Висела на гвозде у ивы. Там, где у меня почему-то выпала доска.

— Это не моя.

Матвей перевел взгляд мне за спину. На крючке у двери висела моя зеленая куртка с деревянными пуговицами. Одной не хватало.

— Приходите, — посоветовал он, вложил пуговицу мне в ладонь и ушел. Ступал он осторожно, чтобы не стряхнуть с ноги енота.

Я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

— Ну? — Федот уже сидел на спинке стула.

— Способ первый, — мрачно подвела я итог.

— Енотовый, — подсказал Федот.

— Провальный.

— Почему провальный? Белье унесли, сосед не спал. Зато у тебя теперь есть повод к нему зайти.

— Какой еще повод?

— Енота забрать. Енот-то не его. Енот твой. Ты его приворожила.

Я швырнула в Федота полотенцем. Он увернулся, перелетел на шкаф и оттуда долго объяснял, что на тех, кто хочет помочь, не обижаются.

Глава 2

Енот остался у Тыквы. Я узнала об этом на следующий день от бабы Нюры, которая узнала от Зинаиды, которая лично видела, как новый сосед кормит полосатого вареной сосиской прямо с крыльца. К вечеру вся деревня знала, что енота зовут Жора и спит он в старом валенке у печки. А приезжий мужик, выходит, не такой уж пропащий, раз животину не выгнал.

— Жора, — с отвращением повторила я и выдернула из грядки последнюю морковь. — Он назвал моего енота Жорой.

— Твоего? — Федот на заборе оживился.

— Я его приворожила.

— Ты его потеряла. Как сапог в прошлом году. Пойдешь забирать, попроси Матвея поискать. Вдруг еноты его у пруда закопали.

Я запустила в него морковной ботвой и промахнулась. Весь день, пока я копала грядки и выслушивала от Зинаиды подробности о сосисках, я обдумывала способ номер два. Еноты оказались существами ненадежными и чересчур любвеобильными. Требовалось что-то погромче и без объятий.

Решение подсказал Зинаидин петух Генерал, заоравший в половине пятого вечера, когда никакой зари и близко не было. Генерал орал когда вздумается, а однажды разбудил всю деревню в грозу, приняв молнию за рассвет.

— Певчий наговор, — объявила я Федоту и вытащила бабушкину тетрадь. — Все петухи и лягушки в округе будут петь у него под окном. Всю ночь. Посмотрим, сколько он продержится без сна.

— А ты как будешь спать?

— Прекрасно. Мое окно на другую сторону.

Для наговора требовались перо из петушиного хвоста, горсть пшена, вода из пруда, в которой ночевала жабья кожа, и слово на зарю. Воду с кожей я поставила еще утром, пшено нашлось в кладовке, а за пером пришлось лезть к Зинаиде в курятник.

Я дождалась, пока она уйдет доить корову, и пробралась туда через заднюю дверь. Генерал встретил меня недоверчиво. Стоило ухватить его за самое длинное перо, как он взлетел на жердь и поднял такой крик, что Зинаида выскочила из хлева с подойником. Я наступила в поилку, поскользнулась и уперлась рукой в то, чего в любом курятнике хватает с избытком. Перо все-таки осталось у меня, и через огород я улепетывала так, как не бегала со школьных соревнований.

К ночи пшено разбухло в жабьей воде и пахло тиной. Я сунула в банку перо. Федот перебрался на край стола и придирчиво заглянул в бабушкину тетрадь.

— Тут написано «горсть на двор».

— Вижу.

— А у тебя полбанки.

— Для верности. В прошлый раз помешал ветер. В этот раз высыплю прямо в землю, и для верности побольше.

— Ты уже сказала «для верности».

— Федот!

— Молчу. — Он помолчал, сколько смог. — Но «на двор» — это на один двор.

Доску у ивы Матвей днем прибил обратно, я слышала стук молотка. К ночи она снова висела на одном гвозде. Через дыру я пролезла уже почти привычно и оставила на гвозде только нитку от рукава. Усадьба спала. Под окном спальни, там, где раньше шла моя тропа, темнела свежевскопанная клумба. Я высыпала на нее всю банку, шепотом проговорила слово на зарю, отряхнула руки и пошла домой спать.

Спала я двадцать минут.

В полночь заорал Генерал. Ему ответил петух с соседней улицы, за ним еще один, и скоро над деревней стоял такой ор, будто все петухи района разом узнали о конце света и спешили сообщить об этом каждому. Следом проснулись лягушки. Сначала робко, в пруду, а потом во всех канавах и бочках разом. Собаки, не выдержав конкуренции, лаяли и на тех, и на других, а в дальнем конце улицы протяжно и безнадежно замычала корова.

Я лежала, уставившись в потолок, и в голове крутилось одно: горсть на двор. На один двор, Марьяна. На один!

— Спишь? — спросил Федот с жердочки.

— Нет.

— И я нет.

— Никто не спит, Федот. Никто во всей деревне.

— Зато у него под окном, наверное, громче всего. — Федот подумал. — Хотя, может, и нет. Тут везде громко.

Я встала и выглянула в окно. Деревня загоралась окно за окном, как новогодняя елка. На соседней улице хлопнула дверь, и Зинаида в ночной рубашке и калошах погналась с веником за Генералом вокруг колодца. Генерал взлетел на крышу бани и продолжил выступление уже с высоты, а Зинаида снизу обещала сварить из него суп. Где-то вдалеке председатель громовым голосом требовал прекратить безобразие, но кому, людям или петухам, было не разобрать.

Квакало все, что могло квакать. Только со стороны болота не доносилось ни звука.

— Может, это и не так плохо, — сказала я, отходя от окна. — Пусть все думают, что это из-за него.

— Ага, — согласился Федот. — Особенно когда вспомнят, что у них ведьма живет. Петухи походили с ума, лягушки орут — конечно, приезжий виноват. Он же у нас известный колдун.

Я бросила в него подушкой, но он снова успел перелететь на шкаф.

Снять наговор было нельзя. Бабушка в таких случаях говорила, что сказанное слово обратно в рот не запихнешь. Действовал он до зари, а до зари оставалось часов шесть. В два я заткнула уши ватой, в половине третьего накрылась подушкой. Без четверти три поняла, что еще полчаса — и сама закукарекаю, накинула бабушкину шаль прямо на ночную рубашку и вышла во двор в сапогах на босу ногу.

Хотелось хотя бы убедиться, что соседу хуже, чем мне, и я пошла к забору. В этом я почти не сомневалась: под его окном горланили лягушки со всего пруда.

Матвей сидел на крыльце с кружкой, а у него на коленях, свернувшись клубком, спал Жора. Жоре певчий наговор был нипочем.

Я встала у щели между досками. Не знаю, как Матвей меня заметил, но он заговорил, не поворачивая головы:

— Не спится?

— Петухи, — буркнула я.

— И лягушки. Это тоже потому, что я привлекательный мужчина?

— Это осень, — соврала я без запинки. — Петухи осенью сходят с ума. Лягушки тоже.

— Все сразу?

— У нас дружная деревня.

Он хмыкнул и отпил из кружки. Над прудом, словно в подтверждение моих слов, особенно громко квакнула жаба.

— Знаете, я и в городе не спал. Лет пять, наверное. За стенкой ругались, наверху кто-то в три часа ночи двигал мебель. Я думал, в деревне будет тихо.

— В деревне никогда не бывает тихо, — ответила я, хотя собиралась промолчать. — Тут шумят другие.

— Это я уже понял. — Матвей почесал спящего енота за ухом. — Но здесь почему-то не так обидно.

— Потому что есть на кого свалить. На петухов.

— Или на ведьму.

Я на всякий случай сделала вид, что не расслышала.

— Можно вопрос? Что вы делаете на болоте в пять утра?

— Работаю.

— Ругаетесь на жаб?

— Разговариваю. Жабы, в отличие от некоторых, умеют слушать.

— Я тоже умею. Попробуйте как-нибудь.

Я не нашлась что ответить. Генерал в очередной раз перекрикивал всю деревню, а мы молчали. Я куталась в бабушкину шаль и думала, что давно ни с кем не разговаривала ночью. Когда я маленькой не могла уснуть, бабушка заваривала мне мяту с чабрецом и сидела рядом, пока я не засну. Мне было семь, потом двадцать пять, а чай оставался тем же.

— О чем задумались?

— О том, что мне с утра работать. Спокойной ночи.

— Марьяна, — окликнул он, когда я уже отвернулась от забора. — Тропу я все равно не отдам. — И зевнул.

— А я и не прошу.

— Пока, — уточнил Матвей.

Дома я первым делом заварила себе мяту с чабрецом.

Федот вернулся под утро, подозрительно довольный, и долго возился за печкой. Выяснить, что он там прячет, у меня не было сил. Петухи замолкли с рассветом, и я провалилась в сон. В девять меня разбудил стук в калитку.

За калиткой стояла очередь: Зинаида с мешками под глазами, мужики из Сосновки, продавщица из сельмага, председатель с дергающимся веком и баба Нюра, которая, судя по бодрому виду, спала при любом шуме.

— Марьянушка, — простонала Зинаида, — сонного бы чего. Хоть щепоть.

— И мне, — продавщица зевнула во весь рот. — Магазин в шесть открыла, а покупателей нет. Все отсыпаются, одна я как дура за прилавком.

Председатель молча протянул пустой бумажный пакет.

— Это все приезжий, — заявила баба Нюра. — Петухи чужака чуют. Десять лет тихо было, а как он заехал, пожалуйста.

Я кашлянула. В конце концов, она была права: не заедь он сюда, мне бы не пришлось сыпать полбанки пшена.

Сонный сбор разошелся за полчаса. Я едва успевала отмерять мяту, чабрец, валериану и хмель, а деньги складывала в бабушкину жестянку из-под монпансье. К концу утра она впервые за много лет закрылась с трудом. Очередь почти рассосалась, когда в ее хвосте появился Матвей.

В руках у него была большая коробка беруш, привезенная, видно, из города. Он молча прошел вдоль очереди и раздал каждому по паре. Председатель сунул свои в карман не глядя, мужики из Сосновки принялись выяснять, какой стороной это вставляется, а баба Нюра повертела подарок в пальцах, спрятала в передник и вынесла приговор:

— Хороший мужик. Хоть и тыква.

Последнюю пару Матвей протянул мне через калитку.

— Вам тоже. Вы же вчера тоже не спали. Из-за осени.

Я взяла беруши: отказываться при всей деревне было глупо.

— И еще. — Матвей уже развернулся уходить. — Вы случайно не видели мои часы? Лежали на подоконнике, а утром их нет.

— Не видела, — честно ответила я.

Матвей кивнул и ушел. Жора семенил следом, путаясь у него под ногами.

Я закрыла калитку, вернулась в дом и медленно подняла глаза на печку. Федот сидел на ней и старательно разглядывал потолок.

— Федот.

— Что?

— Где часы?

— Какие часы? Я всю ночь спал.

— Никто всю ночь не спал.

Федот почесал клювом крыло и отвернулся к стене.

Я открыла жестянку, пересчитала выручку и обнаружила, что за одно утро заработала больше, чем за весь август.

— Способ второй, — вздохнула я.

— Бессонный, — подсказал Федот.

— Доходный.

— Может, повторим? — тотчас оживился Федот.

Глава 3

Беруши я положила на подоконник, где они пролежали два дня, пока я старательно делала вид, что никакого подарка от Матвея не получала и ничего ему за это не должна.

Деревня тем временем решила, что ночь с петухами была знамением, и каждый толковал его по-своему. Баба Нюра предсказывала лютую зиму, Зинаида — скорую свадьбу, а продавщица из сельмага уверяла, что теперь непременно подорожает сахар. Председатель даже повесил на дверь сельсовета объявление о штрафах за нарушение общественного покоя, правда, никто так и не понял, кому оно адресовано. Генерал после той ночи охрип и теперь кукарекал шепотом, благодаря чему Зинаида впервые за много лет начала высыпаться и при встрече смотрела на меня с подозрительной благодарностью.

Матвей за эти два дня успел перестелить крыльцо и взялся за крышу возле трубы. Я видела его из окна: он уверенно передвигался по скату, меняя доски, а Жора сидел внизу и тревожно следил за каждым его шагом, временами привставая на задние лапы, словно собирался ловить хозяина, если тот свалится.

И все бы ничего, но беруши по-прежнему лежали на подоконнике, напоминая о долге, а быть должной Тыкке мне совершенно не нравилось.

— Отдай долг, — посоветовал Федот, заметив, как я в очередной раз покосилась на подарок. — Сделай ему что-нибудь хорошее. Глядишь, пооберет.

— Я и собираюсь.

Ворон, до этого старательно перебиравший клювом перья на груди, замер и посмотрел на меня с таким недоверием, будто ослышался.

— Хорошее? Матвею? Ты ничего не перепутала?

— Полезное, — уточнила я, доставая из сундука бабушкину тетрадь. — Он сам сказал, что пять лет нормально не спит. Вот и сошью ему подушечку от бессонницы.

— А забор? Ты вроде собиралась его сносить, а не лечить хозяина.

— А забор пусть пока стоит. Недолго ему осталось.

Федот еще немного понаблюдал за мной и вернулся к своим перьям, а я перелистала тетрадь и нашла нужный рецепт почти в самом конце, на странице с большой кляксой у края. Бабушка своим мелким почерком перечислила три травы: дрема-траву, полынь и хмель. Все следовало смешать, зашить в холстину и положить под голову спящему.

Ниже шло пояснение: «Снится место, где человеку жить лучше всего. Кто живет не на своем месте, затоскует и сам уйдет».

А еще ниже бабушка приписала: «Самой не нюхать».

— Понимаешь, Федот, он ведь городской, — объяснила я, показывая ворону страницу. — Ему приснится его город, трамваи, соседи, которые по ночам мебель двигают. Проснется, вспомнит, как там хорошо, и затоскует. Глядишь, к ноябрю на усадьбе уже будет висеть табличка «Продается».

— А если ему не город приснится? — поинтересовался Федот, заглядывая в тетрадь.

— А что еще? Он здесь всего ничего живет, даже носки разложить толком не успел.

Федот ничего не ответил и отошел на другой край стола.

Полынь висела над печкой, хмель остался от сонного сбора, а вот с дрема-травой вышла заминка. В кульке, где я ее хранила, обнаружилась одна труха, которой едва хватило бы на наперсток. Свежую траву еще можно было набрать на сухом бугре у Гнилой топи, пока не выпал первый снег, но раньше туда вела моя тропа, а теперь приходилось пробираться через овраг.

После обеда я натянула старые сапоги, выбрала палку покрепче и отправилась за травой. Канаву на этот раз благоразумно обошла по краю, зато в овраге поскользнулась на мокрой глине и съехала на спине до самого ручья. Когда наконец остановилась, несколько минут

лежала, глядя в небо и перебирая слова, которых бабушка от меня никогда не слышала, а Федот терпеливо дожидался на коряге, даже не пытаясь помочь.

— По тропе было бы ближе, — заметил он, когда я поднялась и принялась отряхивать юбку.

— Спасибо, Федот. Без тебя бы не догадалась.

— Я к тому, что некоторые проблемы проще решить разговором.

— С Матвеем? Ты давно с ним разговаривал? Ему скажешь убрать забор, а он тебе документы покажет.

— Зато по оврагам не катается, — рассудительно заметил ворон и перелетел на следующую корягу.

На бугре все осталось по-прежнему: седые кочки среди клюквы, редкая пожухлая трава, а ниже, у самой воды, еще росла дрема-трава. Я набрала полный подол, связала его узлом и уже собиралась возвращаться, когда среди мха заметила поваленную вешку.

Бабушка поправляла их, сколько я себя помню: ольховые кольца с выцветшими лоскутами наверху. Каждую неделю она уходила к топи и меняла лоскуты, а я считала, что вешки нужны заблудившимся грибникам, чтобы те не угодили в трясину.

Ближний кол лежал плашмя во мху. Я нагнулась, чтобы поднять его, и обнаружила, что мох вокруг насквозь мокрый, хотя дождей не было уже неделю. От земли пахло стоячей водой, а сам кол, когда я взяла его в руки, оказался скользким.

Я воткнула его обратно, на прежнее место, поглубже, поправила выцветший лоскут, убедилась, что кол держится, и только тогда отошла. Сама не знаю, зачем возилась с ним, когда уже пора было возвращаться. Наверное, потому, что бабушка непременно бы поправила.

— Пойдем, Федот, а то до темноты не выберемся.

Ворон тут же полетел впереди меня. Болото он никогда не любил, но обычно держался поблизости и время от времени оглядывался, проверяя, не отстала ли я. На этот раз до самого оврага он ни разу не обернулся.

Домой я вернулась в сумерках, перепачканная глиной и с полным подолом травы. Над усадьбой горел фонарь: Матвей все еще возился на крыше, и стук его молотка доносился даже до моей кухни, пока я разбирала добычу и искала в сундуке старую бабушкину наволочку.

Шить села уже после ужина, при лампе. Дрема-траву я успела подсушить на печи, чтобы она не испортилась, смешала ее с полынью и хмелем, а затем выкроила из наволочки небольшой мешочек и принялась набивать его травами. Сухие листья крошились под пальцами, мелкая пыль то и дело попадала в нос, и вскоре я начала зевать так, что едва попадала иголкой в ткань.

Бабушкину приписку я прекрасно помнила и даже отворачивалась, когда пересыпала траву. Но последний шов пришелся уже на час ночи, глаза слипались, а до кровати еще надо было добраться. Я положила голову на сложенные руки, собираясь передохнуть всего минуту, и сама не заметила, как уснула.

Мне снилась усадьба, только выглядела она совсем иначе, чем сейчас. Крыша больше не проседала, в окнах горел свет, а я переходила из комнаты в комнату, прекрасно зная, куда ведет каждая дверь и что находится за ней. В большой комнате стояла печь в синих изразцах с птицами, а на лестнице я привычно переступила через третью ступеньку, потому что та скрипела.

На кухонном подоконнике стояла наполовину пустая банка липового меда, возле нее лежало полотенце, а на столе ждали две чашки. Я хотела налить чай, но где-то за прудом тонко зазвенел колокольчик, совсем как у бабушки когда-то. Я слышала его и ничуть не удивлялась, как не удивлялась и тому, что мне здесь так хорошо, словно я всегда жила в этом доме.

Проснулась я в шесть утра, обнаружив, что всю ночь проспала за столом, а Федот уже сидит напротив и разглядывает меня с явным любопытством.

— У тебя на лице хмель, — сообщил он, когда я попыталась распрямить затекшую спину.

— Сколько я спала?

— Пять часов. И все это время улыбалась.

— Неправда.

— Два раза точно. Еще сказала: «Осторожно, ступенька». Кому ты там ступеньки показывала?

Я смахнула со щеки прилипший листочек хмеля и принялась сгребать остатки травы в кулек, стараясь не вспоминать сон. Но изразцовые птицы стояли перед глазами так отчетливо, будто я сама проводила по ним пальцами, а скрип третьей ступеньки до сих пор слышался в ушах.

Впрочем, ничего удивительного тут не было. Третий день только об этой усадьбе и думаю, вот она мне и приснилась. Трава с непривычки перепутала, а меня ее действие вообще не касалось, потому что я и так жила там, где мне лучше всего.

Мешочек получился аккуратный, серый, с вышитой в углу веточкой полыни. Вышивку я добавила исключительно для вида, чтобы Тыква не заподозрил ничего дурного и решил, что подарок сделан от души.

Когда я вышла из дома, Матвей опять был на крыше. Я постояла у парадной калитки, дожидаясь, пока он заметит меня, и подняла мешочек повыше.

— Это что? — крикнул он сверху, отложив молоток.

— Долг. За беруши.

Матвей спустился по лестнице, вытер руки о штаны и подошел к калитке, возле которой тут же появился Жора и устроился у него на ботинке.

— Травы, — объяснила я, протягивая мешочек. — Под подушку. Вы говорили, что пять лет нормально не спите, вот я и решила помочь.

Матвей повертел подарок в руках, понюхал и прищурился.

— Еноты не придут?

— Еноты — нет.

— А кто придет?

— Сон, Матвей. Обыкновенный человеческий сон. Вам этого мало?

— После прошлого подарка предпочитаю уточнять, — заметил он, еще раз понюхал мешочек и разглядел вышивку. — Спасибо. Попробую.

Он убрал подарок в нагрудный карман и вернулся к лестнице, но, поднявшись на вторую перекладину, вдруг обернулся.

— Красивая полынь, кстати.

Я сделала вид, что не расслышала, и пошла домой. Вышивка заняла у меня полчаса, а теперь почему-то стало неловко, что он ее заметил.

У поворота, на скамейке возле соседского забора, сидели баба Нюра и Зинаида. Судя по тому, как дружно они повернули головы в мою сторону, за происходящим наблюдали с самого начала, а про семечки, ради которых якобы здесь устроились, совершенно забыли. Кулек так и лежал почти нетронутым между ними.

— Подарочки носим? — ласково спросила Зинаида, когда я поравнялась со скамейкой.

— Долги отдаем.

— А-а, долги, — протянула баба Нюра, переглянувшись с соседкой. — Ну, дело хорошее. Особенно когда своими руками.

— Вы бы семечки ели, пока свежие, — посоветовала я и прибавила шаг.

— Ну-ну, — донеслось мне вслед.

К вечеру вся деревня уже знала, что ведьма шьет Тыкве подушки. Продавщица из сельмага при встрече заботливо уточнила, не нужны ли мне нитки, а мужики из Сосновки у колодца почтительно сняли шапки, хотя раньше разве что кивали.

Я решила, что в следующий раз подарок соседу лучше передавать ночью.

Вечером из своего окна я видела, как у Матвея погас свет. Было всего десять, гораздо раньше обычного, и я с удовлетворением решила, что подушечка начала действовать. Сама тоже легла спать, но на этот раз мне ничего не снилось.

Наутро Матвей появился в одиннадцатом часу, когда я уже успела принять двух бабок с суставами и одного мужика с похмельем. Я как раз проветривала сени после последнего посетителя, когда увидела соседа у калитки и не сразу его узнала.

Он был побрит. Без щетины у него обнаружилась ямочка на подбородке, а сам он выглядел лет на пять моложе, потому что тени под глазами исчезли и взгляд стал ясным.

— Доброе утро, — поздоровался Матвей, подходя ближе. — Я спал одиннадцать часов.

— Поздравляю.

— Первый раз за пять лет столько проспал. Даже Жора не смог разбудить, хотя утром пытался стащить с меня одеяло.

Матвей облокотился на калитку, а Жора улегся возле его ног и зевнул во всю пасть, словно это он провел ночь без сна.

— Значит, трава хорошая, — сказала я, стараясь не выдать довольства.

— Трава отличная, только сон какой-то странный приснился. — Матвей потер подбородок, будто еще не привык к тому, что он гладкий. — Дом небольшой, печка беленая, над ней пучки трав сушатся. На стене часы с кукушкой, только у кукушки почему-то клюва нет, а на шкафу сидит что-то черное и ругается.

Я невольно покосилась на дверь у себя за спиной и порадовалась, что успела ее закрыть. Клюва у нашей кукушки не было с позапрошлой зимы, когда Федот решил, что он золотой.

— И колокольчик где-то звенел, — продолжил Матвей. — Всю ночь. Вы случайно не знаете, чей это дом? Я подумал, может, у вас здесь все так живут. Травы сушат, печки топят.

— Полдеревни сушит, — ответила я, стараясь говорить как можно равнодушнее.

— И у всех кукушки без клювов?

— У нас дружная деревня.

Матвей засмеялся так громко, что Жора от неожиданности сел и уставился на хозяина.

— Ладно, спасибо за подушку, — сказал он, наконец перестав смеяться. — Теперь хоть знаю, что нормальный сон еще существует.

Он отлепился от калитки, но уходить почему-то не спешил, а вместо этого посмотрел на меня с любопытством.

— А вам что-нибудь снилось?

— Нет.

— Совсем ничего?

— Я на травах не сплю, Матвей. Мне нельзя.

— Жалко, — сказал он и, больше ничего не объясняя, направился домой.

Жора посмотрел на меня, тяжело вздохнул и потрусил за ним, а я еще немного постояла у калитки.

Вернувшись в дом, я обнаружила Федота на шкафу. Судя по возмущенному виду, он прекрасно слышал весь разговор через открытую форточку.

— Что-то черное, — повторил он, передразнивая Матвея. — Ругается. Можно подумать, я только этим и занимаюсь.

— Ты подслушивал.

— Я сидел на шкафу. Это мой шкаф, между прочим, и сидеть на нем мне никто не запрещал. А кукушка сама виновата.

— В чем?

— Клюв у нее сам отвалился, — пояснил Федот, сердито переступая с лапы на лапу. — Я его только подобрал.

Выяснять судьбу клюва мне сейчас было некогда. Подойдя к печке, я посмотрела на пучки полыни, висевшие над ней, и вспомнила бабушкины слова: дрема-трава не врет и ничего не путает. Врут люди, а трава только показывает.

Матвею приснился мой дом, с кукушкой и Федотом. Про изразцовых птиц я старалась не думать.

— Федот, а у бабушки был колокольчик? — спросила я, обернувшись к шкафу.

Ворон принялся чистить клюв о деревянный край. Занимался он этим так долго и старательно, что я уже собралась повторить вопрос, когда он наконец поднял голову.

— Не помню.

А Федот помнил все, вплоть до того, сколько сыра я недодала ему в позапрошлом году.

Остатки дрема-травы я высыпала в печь, где они сразу затрещали, наполнив кухню сладким сонным запахом. Пришлось распахнуть окно и подождать, пока дым вытянет наружу.

— Способ третий, — сказала я, глядя на огонь.

— Сонный, — подсказал Федот.

— Неправильный.

— Почему неправильный? — удивился ворон, спрыгнув со шкафа на стол. — Он выспался, ему приснилось, где лучше всего жить. Все как в тетради. Чего ты еще хотела?

Отвечать я не стала и закрыла окно. За забором Матвей снова полез на крышу, и до самого вечера оттуда доносился стук молотка.

Глава 4

Пруд был бабушкин. Вся деревня это знала, хотя по бумагам он числился за сельсоветом, а сам председатель последний раз подходил к нему в девяносто каком-то году, когда упустил в воду удочку. Бабушка брала из пруда воду для отваров, полоскала в нем травы и раз в год, на Ивана Купалу, выпускала туда карасей из болотного ручья. Теперь все это делала я.

В пятницу я отправилась за рассветной водой и обнаружила в пруду Матвея.

Он плыл к середине, широко загребая руками, и над водой поднимался пар. Стояла середина октября, по утрам трава уже серебрилась инеем, а этот человек купался так, будто на дворе июль. На моих мостках лежала его одежда. Сложенная, разумеется, стопкой: куртка, свитер, штаны и носки, парой, сверху.

Я поставила ведра на траву.

Матвей доплыл до середины, развернулся и только тогда меня заметил.

— Доброе утро! — крикнул он. — Вода отличная!

— Это мой пруд.

— По документам сельсоветский. — Он подплыл ближе и встал на дно, по грудь в воде. — Я узнавал.

— Как вы сюда попали?

— Через дыру у ивы. Ее кто-то постоянно расшатывает.

Он перегородил мне тропу, а в мой пруд ходил через мою же дыру.

— Тропа, значит, ваша, а пруд общий?

— Тропа моя, — согласился Матвей. — А пруд общий. Я, кстати, выхожу. Можете отвернуться.

— Это мой пруд. Я тут стою.

— Как хотите.

Он направился к мосткам. Вода опустилась ему до пояса, потом ниже, и стоять я перестала. Набрала воды подальше, у камышей, и ушла, расплескав по дороге половину. Вслед мне донеслось что-то про то, что ведра лучше носить на коромысле.

Федот встретил меня на крыльце.

— Ты чего красная?

— Холодно.

— А, — сказал Федот. — А он хорошо плавает. Я видел.

— Федот.

— Я просто сообщаю.

Сторожевой заговор бабушка придумала, когда сосновские мальчишки повадились таскать из пруда карасей. В тетради он занимал полстраницы: «Осоку и камыш заговорить на чужого. Кто войдет в воду без спросу, того берег и выгонит». Требовались прядь своих волос, сухой прошлогодний камыш и пруд в полночь. Мальчишки после бабушкиного заговора к воде не подходили лет пять, а один, говорят, до сих пор купается только в ванне.

— Без спросу, — прочитала я вслух. — Он меня не спрашивал.

— А если кто другой полезет?

— В октябре в пруд лезет только Тыква.

В полночь я сидела на мостках с ножницами. Прядь отрезала сзади, где не видно, и вплела ее в сухой камыш по рисунку на полях: три узла и петля. Потом опустила косичку в воду у самых стеблей и прошептала положенное слово.

Камыши качнулись. Ветра не было.

Я уже собиралась уходить, когда на противоположном берегу, возле болотного ручья, тоже зашуршало. Там камыши качнулись в ответ, все разом, и по черной воде от них к мосткам пошла рябь. Узкая, прямая, как от лодки. Дошла до моих ног и пропала.

Наверное, рыба, решила я. Крупная.

Федот остался на иве.

— Ты не идешь? — спросила я.

— Мне отсюда видно.

От ивы до мостков было шагов двадцать, а раньше он садился мне на плечо, стоило подойти к воде. Я решила, что Федот все еще дуется из-за утреннего разговора, и больше не приставала.

На следующее утро я спряталась за ивой в половине седьмого. Матвей пришел без двух минут. Над прудом висел туман, и сначала я его только слышала: скрип мостков, шорох куртки. Носки, я не сомневалась, легли сверху.

Жора шел за ним по пятам, уселся на край мостков и принялся полоскать в воде лапы.

Я правда собиралась смотреть только на камыши. Но камыши стояли смирно, а Матвей как раз стянул свитер, и я невольно задержала взгляд. Плечи у Тыквы оказались широкими, а по спине при каждом движении перекачивались хорошо очерченные мышцы. Ни грамма лишнего, узкая талия, крепкие бедра и белый шрам под левой лопаткой. Я смотрела, как он наклонился, стягивая оставшуюся одежду, и с некоторым опозданием вспомнила, что вообще-то пришла сюда по другому делу.

Матвей выпрямился, постоял на краю мостков и прыгнул в воду, а я обнаружила, что вцепилась в иву обеими руками.

И ведь даже придраться было не к чему. Вот что особенно раздражало.

Матвей доплыл до середины. Камыши не шевелились. Он развернулся и поплыл к берегу, и тогда тот, что рос ближе всех к мосткам, медленно наклонился и потрогал воду. Как пальцем.

Матвей этого не видел. Он встал на дно и пошел к мосткам, по пояс, потом по колено, и тут камыш хлестнул.

Звук получился хороший, звонкий, на весь пруд. Матвей подпрыгнул и обернулся. Второй стебель достал его по ногам, а потом зашевелился весь берег. Осока, камыш, рогоз — даже старая кувшинка у мостков подняла из воды лист и попыталась шлепнуть.

Матвей рванул на мостки. Жора с визгом бросился на ближайший стебель, получил по уху и свалился в воду.

На мостках Матвей потянулся за штанами. Штаны уехали. Их тащил по доскам длинный стебель осоки, бережно, как добычу, и стащил в пруд вместе с носками. Куртка поплыла следом.

— Да что за... — сказал Матвей и не договорил, потому что камыш достал его по самому мягкому месту.

Именно в эту минуту на тропинке, ведущей к мосткам, слышались голоса. Я выглянула из-за ивы и увидела Зинаиду, продавщицу из сельмага и бабу Нюру. Все трое несли корзины с бельем, а следом за ними важно вышагивал Генерал. Была суббота, а по субботам у нас принято полоскать.

Корзины они поставили одновременно. Генерал взлетел на перила мостков, вытянул шею и впервые в жизни не издал ни звука.

Матвей тоже заметил зрителей. Из одежды на нем был только туман, и тот редел. Камыши хлестали его с трех сторон, женщины смотрели во все глаза, и я на мгновение даже посочувствовала соседу.

Матвей выудил из воды возмущенного Жору, прикрылся им спереди и бросился через луг к иве. Камыши тянулись следом, норовя достать его напоследок, и один все-таки ухитрился хлестнуть у самого дерева. Я от неожиданности присела, а Матвей, даже не заметив меня,

нырнул в дыру между досками. Жора заверещал у него в руках, и вскоре со стороны усадьбы донесся хлопок двери.

Женщины все это время молчали. Первой опомнилась Зинаида и подняла корзину.

— Ну что, бабы, — сказала она. — Полоскать будем или как?

— Будем, — отозвалась баба Нюра, решительно направляясь к мосткам. — Я теперь до зимы буду полоскать.

Продавщица ничего не ответила. Она все еще смотрела в сторону ивы и улыбалась. Заговор на крапивницу я знала наизусть.

— Мужик-то видный, — задумчиво произнесла баба Нюра, разворачивая простыню. — Весь видный.

Я благоразумно осталась за ивой, пока женщины занимались бельем. Когда последние корзины унесли, я наконец выбралась из укрытия и спустилась к воде. Веселье весельем, но заговор следовало снять. Для этого достаточно было вынуть из пруда косичку, развязать узлы и расплести волосы.

Камыши тихо шуршали, хотя ветра по-прежнему не было. Я засучила рукав, присела у мостков и опустила руку туда, где ночью оставила косичку. Пальцы погрузились в холодный ил, нащупали несколько корней, скользкий камень, но ничего похожего на сплетенный камыш.

Я попробовала еще раз, затем передвинулась ближе к зарослям и запустила руку в воду по самое плечо. Косички не было.

Вода оказалась такой ледяной, что пальцы быстро онемели. Я уже собиралась поискать с другой стороны мостков, когда заметила, что камыш над моей головой согнулся. Несколько стеблей склонились почти к самой воде и замерли, будто прислушиваясь.

Я медленно вытащила руку и поднялась. Камыши зашуршали сильнее, и я поспешила отойти от берега.

У мостков, где утром лежали Матвеевы штаны, качалась старая кувшинка, давно отцветшая, с бурыми краями листьев. Я мельком посмотрела на нее и направилась домой вдоль берега, но вскоре заметила сбоку движение. Кувшинка плыла следом, держась от меня в нескольких шагах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.